

Бурно прошел по стране юбилей Владимира Высоцкого. Даже в «заграничном» Мариуполе, где он был один раз, открыли памятник певцу. Юбилеи устроены так, что зачастую публично высказываются о виновнике воспоминаний не самые близкие к нему люди. Про Юрия Петровича ЛЮБИМОВА, режиссера Театра на Таганке, так не скажешь. Сложные творческие взаимоотношения двух сильных и талантливых личностей отошли со временем в сторону. Остались факты.

— Наверное, многие задают себе вопрос: «А чем стал бы Владимир Высоцкий в наши дни, если бы не умер так рано?» Вы могли бы ответить?

— Я думаю, чем он был тогда, тем бы остался и сейчас. Он сам на это ответил: «Пусть впереди большие перемены, я их, конечно, тоже не приму!» То есть как всякий порядочный человек, занимающийся искусством, он бы продолжал смотреть на то, что творится с людьми, а не восхвалять действия властей, какими бы те себя ни выставляли. Он иначе не жил. И недаром у него палитра была такая широкая, и аудитория — от ученых до любых рабочих, подводников, золотоискателей. Видимо, главное его свойство было в том, что терпеть не мог какого-то лицемерия и надутости шек. Того, что сейчас на сленге называется: «гнать попусу, пургу». Человек был преследуемый, гонимый, несмотря на огромную популярность. А иногда мог сделать то, что никому правителю не по силам. Потому что люди его любили.

Когда-то мы выступали на границе с Китаем, где местное начальство строго-настрого запретило, чтобы Высоцкий пел свои песни. А командующий, наоборот, попросил: «Нельзя ли, чтобы ваш артист спел, солдаты очень просят...» Они зажали автобус повыше, на автобус водрузили Владимира, поставили рацию, микрофоны, и он прямо оттуда пел про хунвейбинов, про культурную революцию. И этот генерал, который рядом со мной стоял, искренне позавидовал: «Ах, мне бы такой авторитет у солдат! Этим должен обладать истинный полководец». Я понял его хорошую мужицкую зависть. Видно, как теперь выражаются, «крутой» был господин.

Или известный случай, на КамАЗе, еще при строительстве. Грязь непролазная, единственная улица блочных домов. Работяги были выходные и выставили влодь улицы магнитофоны на полную железку, как полагается, и изюх — Высоцкий. И сам он идет посреди улицы и кажется, что если он вдруг крикнет: «Грохот!» — они наваливаются. И ясь все порушат. Вещь КамАЗ со всеми этими домами.

— Может, власти этого и боялись?

— Была в нем вот эта зараза, тяга к свободе, к независимости. А тут еще путают героев его песен с ним самим. Его «блатной цикл» — это тонкая пародия, а власти воспринимали, что он сам блатной. «Шли» ему его собственные песни. Когда я хотел с ним Гамлета делать, власти запретили: «Какой это, мол, Гамлет, это — пьяница из подворотни с пропитым голосом! Вы что, с ума сошли?» В итоге он получался трагической фигурой, которую всячески оскорбляют. Он не мог этого не переживать, на концертах сам говорил: «Что же получается? Все меня знают, а я — никто. Не печатают. Записей моих не издают». Впервые его записали французы, потом каналцы, американцы. И за это еще больше попладал.

А то его ОБХСС начинало ловить. Получал он в театре 150 рублей. Приезжает к нему Марина, он должен был ей что-то показать, ответить в ресторане. Эта дама привыкла по-другому жить. Вот он и давал свои концерты. А его за это ловили. Даже

следствие было какое-то, меня на допрос вызывали.

В первую очередь он был поэт и очень обижался, что все поэты свысока похлопывали по плечу, мол, давай, Володенька, выпьем, а ты стой. Отсюда и все привычные нам комплексы. Приходит в театр, расстроенный. Говорю: «Что с тобой?» Он: «В Союз писателей не приняли». — «Володя, да что ты, милый, из этого Союза бежать надо, а не скорбеть, что не приняли!» Поскольку все случилось прилюдно, тут же донесли, что Любимов соблазнил артиста покинуть Советский Союз!.. Куда ни кинь, все какой-то скверный анекдот получается.

— Когда вы впервые встретились в Высоцкий?

— Сразу же после возникновения театра на Таганке. Его кто-то привел, думаю, что наши дамы. Он же окончил школу-студию МХАТ, а его отсюда выгоняли. Вошел. Кепарь, серенький пиджачик из бука. Сигареточку, конечно, погасил. Прочитал что-то маловразумительное, бравальное, раннего Маяковского, кажется. Я говорю: «А гитарка чего так скромно стоит? Кореша, значит, вам уже сообщили, что шеф любит, когда играют на гитаре?» — «Нет, я хотел бы спеть, если вы не возражаете».

И вот он пел мне сорок пять минут. Через двадцать минут я спросил: «А что за тексты, скажите, пожалуйста?» Он так скромно говорит: «Тексты мои». «Баньки» еще не было, «Волков» не было, «Куполов» не было. Но уже, кажется, была «На нейтральной полосе». Спрашиваю: «А где же вы выступаете?» — «Я больше так, для друзей, в компаниях пою». Я ему сразу сказал: «Приходите работать». Мне тут же: «За чем берете? Он — сильно пьющий. Намучаетесь». А я говорю: «Какая мне разница: одним алкашом больше, одним меньше. Этот хоть проспится — так умный. С ним интересно дело иметь».

Конечно, с ним намучаешься. Но все равно у меня никакого зла нет. Он и умница был, и интересовался всем чрезвычайно. И потому, что немаловажно, жизнь очень любил. Любил шататься везде. Был сильный, крепкий. И всегда истории придумывал. Убежит куда-то — скандал. Зато потом прибежит, начнет рассказывать, и все ему прощашь.

Я думаю, что он, если бы жил, писал прозу. Он ведь под конец больше бумагу и перо брал, чем подбирал свои незатейливые мелодии. Признавался, что заводится от ритма, от темпа, стих легче ложится. Мне кажется, он для этого и брелчал.

Хотя Альфред Шнитке считал иначе. Когда мы делали спектакль памяти Высоцкого, я его попросил: «Поддержи Володю музыкально, аранжируй его». Он сперва сделал, но потом все снял и сказал: «Не надо, это его мир». Только мы с ребятами уговорили, чтобы оставил свою музыку к Володиной «Балладе». Чудесная, озорная баллада, и очень красивая музыкально.

— У вас был спектакль «Берегите ваши лица» по стихам Вознесенского, который воспринимался как бенефис Высоцкого. Расскажите.

— Он там спел всего одну песню — «Охота на волков». Зрители начали топтать, свистеть, орать: «По-вот-ришь!» Зал просто неистовствовал, не давали продолжать. Успокоились все с трудом,

Вдоль обрыва по-над пропастью...

Юбилейная позолота не пристанет к Высоцкому

только после моих молений: «Хватит, мы поняли ваше отношение, прекратите. Вы не понимаете, что не надо этого делать, ведь они припишут демонстрацию». В зале сидел Мелентьев, министр культуры РСФСР... Спектакль был сделан в форме репетиции, которую я могу останавливать, что-то подсказывать артистам, что-то менять. Рядом сидела кассирша: кому «репетиция» не нравится, можете встать, получить свои деньги и уйти. За четыре раза, что мы сыграли, кажется, был один такой случай. А потом спектакль прикрыли. Причем не из-за Высоцкого, а потому, что у Вознесенского была фраза-перевертывш: «А луна канула» — читалась и так, и наоборот. Они написали докладную в Политбюро, что издеваются над нашими неучами в космосе. Американцы как раз в это время вышли первыми на Луну!..

— Как возник «Гамлет»?

— Володя все время твердил: «Я так бы хотел играть Гамлета!» А я в это время выключивал у начальства разрешение поставить «Исторические хроники» Шекспира. И хотел, чтобы Володя там играл. Тяжба длилась бесконечно: «Нам надоело ваши самодельные композиции, ставьте каноническую пьесу!» Ну, я и написал заявление: «Прошу разрешить каноническую пьесу «Гамлет»! Тогда они прилепились, что нельзя давать роль Высоцкому, нужен другой Гамлет. Я говорю: «Другим может быть только настоящий принцип. Вы с ним, принимая, встречаетесь, в отличие от меня, вот и договаривайтесь. Если какой-нибудь принцип придет, то я подумаю. Пусть играет дурака, а Высоцкий тем временем репетирует. Репетировал, надо сказать, очень сложно.

По поводу репетиций даже сейчас разные слухи ходят...

— Это набрели на по «ящику», что он кидал в меня штыки. Они придумали эту легенду на основе реальной, хотя и не связанной с Высоцким историей.

Молодым я играл Ромео на сцене вахтанговского театра. Пришел на спектакль Борис Леонидович Пастернак, автор перевода. Я имел честь быть знакомым с ним. Он сидел рядом с Вознесенским в партере, в первых рядах. И когда я фехтовал с Тибальдом, получилась, что шпага обломилась, и кончик ее возвился как раз между Вознесенским и Пастернаком. Борис Леонидович пришел за кулисы и говорит: «Вы меня чуть не убили!» — и показывает обломок.

Все это переворачивали на какие-то «штыки». Мы удивительные люди, все время со сладострастием выискиваем какие-то пакости друг про друга. Нельзя же так. Вот помню, как Володя меня спас. Я очень сильно заболел, высокая температура, сорок и пять десятых. Жена в это время у себя в Булапеште с сыном. Я один жался. И вот слышу какие-то бесконечные звонки. Добрался по

стенке до двери. Открыл. Стоит Владимир. «Что с вами?» Я говорю: заболел. Он довел меня до постели: «Надо же что-то предпринимать. Вы только дверь не закрывайте...» И исчез. Оказывалось, он на своем «Мерседесе» проехал через охрану в американское посольство, сказал, что у него шеф загигает. Они дали ему какой-то мошнейший антибиотик, и обратно он тоже вырвался на скорости сквозь кордоны милиционеров. Потом, конечно, был жуткий скандал: еще бы! Но он привез мне эти таблетки, сказал, как надо принимать. Через два дня я встал, хотя мог бы застрелиться. И такой он был во всем — азартный. Вот понадеялся ему «колдуны» Марина Влади, он ее и добил.

— А не трудно ли было двум таким сильным личностям, как вы и он, ужиться в одном театре?

— Да нет. Володя, несмотря на весь свой характер, прекрасно понимал, что «каждый сверхчеловек знает свой шесток». У него всей этой советской сволочной галиматрии в голове не было. Он был поэт. Я потому и дал ему играть Гамлета Да, он был хороший артист, но замечательный был не этим, а тем, что создал свой мир, свою совершенно удивительную поэзию. Только несколько человек поняли, что он такое, а артисты только одно твердили: «Почему ему можно, а нам нельзя? Вот вы ему разрешаете, а нам нет, почему?» Я говорю: «А потому что он Высоцкий».

— Сейчас вы называете его то Владимиром, то Володей. А как называли в жизни?

— Самым зловещим было, не когда я на них орал. А когда негромко говорил: «Владимир Семенович, будьте добры, покиньте сцену. Вы не слышите, что я вам говорю? Уйдите, пожалуйста, со сцены». И он уходил. И никакими штыками не кидался.

Бывали, конечно, всякие случаи. Один раз я сказал грубость. Вообще репетиции на «Гамлете» были тяжелые. Хотя Володя и ныл: «Гамлета... Гамлета...», но

выяснилось, что реально у него не было ни концепции роли, ничего. Просто желание. Как полюбил свою Марину и — «добуду», так и Гамлета должен играть, и все. А чего играть, и сам не знает. Начинал он стихами Бориса Леонидовича Пастернака. Вышел и заявил громко: «Гул затих! Я вышел на подмостки!» Возникло какое-то недоумение. На этот раз я сорвался. «Вышел?» — «Да, а что?» — «Ну, и уходил отсюда».

Он сперва не понял. «Нет-нет, уходил?» — «Почему? Что?» — «Потому что так нельзя! Что ты за фрукт? Ну, и что, что ты вышел?» Тут и началось...

— Но сложности были и потом...

— Вы имеете в виду случай, о котором рассказывала Демидова, когда Владимир пропал в Марселе во время гастролей? Я нашел его в четыре утра в каком-то портовом кабаке. Кагешешники, которые нас сопровождали, были довольны, хмыльнулись: наконец-то мы прокололись... Видимо, даже Володя это понимал, потому что, увидев меня, даже протрезвел. Я говорю: «Садись в машину. Отвез его в гостиницу, вызвал врача. Что-то ему укололи, он заснул. Утром я стал звонить Марине. Довольно резко с ней говорил. Она сказала, что занята, я говорю: «Нет, мадам, вам придется бросить дела и приехать к мужу». Через некоторое время она явилась.

Врачи сказали, что не отвечают за его жизнь и без расписки не выпустят его из госпиталя. Он был в таком состоянии, что мог умереть на сцене. Тем не менее — «Я буду играть». За сценой дежурил врач, чтобы сделать укол, если ему станет плохо. А мы на всякий случай репетируем такой этюд: выходит король: «Где Гамлет? Немедленно доставить!» А Розенкранц и Гильенстерн выбегают: «Сейчас найдем и вам его представим». Быстренько сочинили в размер, пока врач будет с ним что-то делать.

В этот раз он играл необыкновенно. С артистами так бывает. Когда сил нет и артист играет «по

делу», он делает именно то, что необходимо. Особенно это важно в трагедии. И Высоцкий словно достиг совершенства. Зал это понял, догадался, что происходит что-то необыкновенное. Конечно, каждый раз так работать нельзя.

Я с самого начала говорил о религиозной стороне этой странной пьесы. Но все мои желания пробиться к нему прошли мимо. Только под конец жизни он стал над этим задумываться, особенно над тем, что самоубийство — страшный грех.

— Прямо убить себя нельзя, можно убивать себя постепенно...

— Тем, что он пил? Врачи мне говорили: «Вы на него сердитесь, а может, это наследственное и он иначе не может». Его родители отказались мне помочь поместить Володю в больницу. Хотя я не родственник, все-таки стрел его и отвез принудительно. И считаю, что правильно сделал. Потому что он после этого два года работал, сочинил прекрасные стихи, песни, хотел кино снять. Его киношники обманывали, Одесская студия морочила голову. Я говорю: «Да обманут они тебя. Репетируй лучше Бориса Годунова. Чего ты ждешь? Полгода уже прошло, а ты все маешься».

Он был записан на том, что только когда пьет, только тогда может творить. На самом-то деле — ничего подобного. Потом он начал себя обманывать, как все они: пить 10 капель, потом 15... А потом его еще кто-то научил колоться, мол, это выбьет алколизм и все будет хорошо. Не знаю кто, я бы ему и сейчас голову отвернул. Потому что кончилось это трагически. Время от укола до укола все сужалось и сужалось... Но он очень хотел выпутаться.

Перед его смертью я заболел. В пять утра пришел Давид Боровский и сказал: «Ну, вот и кончилось ваше двадцатилетнее сражение за Володю». Я говорю: «Умер?» — «Два часа назад».

Я олеся, и мы поехали. На Малой Грузинской уже было полно народу, но нас узнали, пу-

стили. Потом я позвонил художнику Юре Васильеву, ныне покойному, и он снял посмертную маску. Володя писал в своем «Монументе»: «Расторопные члены семьи торопятся...» — Марина хотела, чтобы сняли маску.

— А как власти реагировали на похороны?

— Ужасно. Я вернулся домой часа через три. Жена сказала, что меня разыскивают от Гришиной. И тут же звонок. Изюмов: «Виктор Васильевич поручил вам сказать, как все должно быть. Что какой-то мелкий чиновник быстро проведет с 10 до 12 гражданскую панихиду в театре и — на кладбище».

«Нет, так хоронить мы не будем». — «Как?» — «Вот так. Вы его травили, а хоронить его будем мы, его друзья». — «Нет, вы будете делать, как вам прикажут!» — «Нет, не буду делать. Если вы хотите по-своему, вам придется нас физически устранить». — «Так и доложить?» — «Так и доложить».

И тогда я позвонил Андропову и сказал: «Ваши деятели не понимают, кого они хоронят. Может быть только Ходянка». И Андропов ответил: «Хорошо, товарищ Любимов. Вы слышите, я пока еще называю вас «товарищ». Придет мой человек и будет вам помогать, чтобы никаких Ходянок не было».

Очередь шла от Кремля, мимо Яузской больницы наверх. Люди к Володе шли всю ночь. Утром была совершенно дикая жара. И все несли цветы, оберегая их зонтиками. Визу у Москвы-реки перекрыли шестие грузовиков. Тогда толпа спокойно развинула грузовики, и люди опять пошли, а солдаты сделали вид, что они ничего не видят.

Пришел генерал кагешешный: «Надо продлить панихиду». И повторил слова Андропова: «У нас пока с вами общие интересы». Так мы и ходили с ним по тротуару мимо метро, а люди шли к гробу. Я попросил Володиных друзей — физкультурников, мастеров спорта, — и они держали линию. Если начинался какой-нибудь эксцесс, они сразу этого человека под беды рученьки уводили в сторону. Но люди вели себя изумительно.

Чего не скажешь о властях. Площадь была запружена народом, люди стояли на крышах домов. Володин портрет был на фасаде театра, на втором этаже. Как только мы вынесли гроб, они сразу повезли его в тоннель. Я: «Как? Почему?» Но кто же меня послушает.

Только помню, как они сразу пустили поливочные машины, чтобы смыть цветы, которыми была завалена площадь. И какие-то молодчики стали выламывать портрет Высоцкого с фасада. И тогда толпа начала скандировать: «Фа-шис-ты! Фа-шис-ты!»

Беседовал Игорь ШЕВЕЛЕВ

Таганка, 1977 г. «Нет ли лишнего билетника?»

Главный редактор номера: Ольга ТИМОФЕЕВА
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
Рр 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласию
с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МКГА.
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН.
Арт-директор: Сергей МОРЕЙНО.
Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы: Сергей ФИЛИПОВ. Тел.: 915-75-23; Т/ф: 915-51-80, 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. Гончарная, д. 1.
Справки по телефону:
915-22-88; факс 915-51-71,
e-mail:
oglech @corbina.ru
Электронная версия «ОГ»
в Internet:
www.park.ru; www.lns.ru;
в базе данных: www.intelgram.ru

Наш подписной индекс: 32138

ОЗНАЧ

ГАЗЕТА

Адрес «Гостиница «ОГ»:
121151, Москва,
Кутузовский пр., д. 22
Вёрстка компьютерного центра
«Общей газеты».
Технический директор
Валерий МАКАРОВ.
С этим знаком публикуются
пресс-релизы,
информационно-
коммерческие материалы.

Общий тираж «ОГ» — 264800 экз. (региональный — 190000 экз.).
Цена свободная.
Розничное распространение в Московском
Метрополитене — агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»
Отпечатано в типографии издательства «Печарка»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 28.1.98 г.
Заказ 1151.

Редактор: Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. Секретарь: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Ирина ДЕМЕТЬЕВА (литературный редактор). Руководители направлений: Игорь АНДРЕЕВ (информация), Алексей БАУСИН (международная жизнь), Сергей ВАРШАВИЧ (СМИ), Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Виктор МАТИЗЕН (мировоззрение), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право), Софья СТАРЦЕВА (письма). Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор РЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРИШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Александр ЖУРБИН (Нью-Йорк), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Михаил МЕЛЕШЕНКО (Кишинев), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Аркадий РОММ (Олесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРЕТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. Финансовый директор Дмитрий ШАЛИН.